

{numeration}

Горе-горянин, Данило-дворянин — жил он у семи попов по семи годов, не выжил он ни слова гладкого, ни хлеба мягкого, не то за работу получил; и пошел он в новое [иное] царство лучшего места искать. И палася ему навстречу бабка голубая шапка: «Куды, — говорит, — Горе-горянин, Данило-дворянин, путь-дорогу держишь?» Отвечает ей Горе-горянин, Данило-дворянин: «Жил я у семи попов по семи годов, да у дядюшки князя Владимира девять лет; не выжил я ни слова гладкого, ни хлеба мягкого, не то за работу получил». — «Что дашь от добра? — говорит ему бабка голубая шапка. — Доведу тебя до места хорошего. Будешь ли, — говорит, — поить-кормить, при смерти в зыбке качать?» — «Буду, — говорит Данило-дворянин, — кормить-поить, при смерти в зыбке качать». И пошли они вместе, и довела она его до места хорошего; вот и дошли они до двора: двор как город, изба как терем, комли не отрублены, вершины на сарай загибаны.

Вот она и поставила его под окошечко, а сама в палаты вошла. В палатах живет одна себе Настасья-царевна; вот наша бабка голубая шапка вошла, помолилась, на все четыре стороны поклонилась, а Настасье-царевне в особицу. «Эка, Настасья-царевна! Какая ты, — говорит, — хороша-пригожа, а живешь ты одна!» — «Как быть, бабушка! — говорит Настасья-царевна. — Уж так привелось; нет никого, так живешь и одна; что делать?» — «Вот, — говорит бабка голубая шапка, — я тебе привела мо'лодца; поглянется ли?» Сейчас в околенику брякнула, он и бежит в покои. Прибежал он в покои, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, Настасье-царевне в особицу. Вот он Настасье-царевне и приглянулся, и стала она с ним жить да поживать.

Вот она с ним живет долго ли, коротко ли, и посылает его к дядюшке князю Владимиру: «Зови его в тысяцкие, жену его Оброксу в сватьи; надоть, — говорит, — нам с тобой обвенчаться». Вот он сейчас обувался-одевался и прибежал к дядюшке князю Владимиру. Прибежал он к дядюшке князю Владимиру в терем, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю Владимиру на особицу. Вот он и говорит: «Дядюшка князь Владимир! Милости просим к Настасье-царевне в тысяцкие, жену твою Оброксу в сватьи, надоть нам с ней обвенчаться». У дядюшки князя Владимира сидят в это время гости енаралы за столом и говорят ему: «Дядюшка князь Владимир! За экого чужестранного ладишь ты отдать Настасью-царевну; нет ли у нас людей хороших? Накинь на его такую службу, чтоб ему ввек не сделать». — «А какую же, — говорит, — накину я на него службу?» — «А такую, — говорят, — чтобы к утру выстроил церковь».

Вот он и пошел домой кручинен-невесел, головушку повесил. Вот Настасья-царевна встречает его и говорит: «Что ты, Горе-горянин, Данило-дворянин, кручинен-невесел, головушку повесил? Разве тебя, — говорит, — дядюшка князь Владимир царским питьем обошел или бранным словом нашел?» — «Нет, — говорит Горе-горянин,

Данило-дворянин, — и бранным словом не нашел и питьем царским не обошел; а енаралы на меня службу накинудли». — «А какую, — говорит, — службу?» — «А такую службу: приказали к утру церковь изготудить». — «Не тудя печаль, не тебе и качать! — говорит Настасья-царевна. — Молился спасу, ложился спать; утро вечера мудренее». Вот он спасу помолился и спать повалился, а Настасья-царевна вышла на круто́ красно крыльцо, скричала богатырским голосом, засвистала молодецким посвистом: «Служки, няньки, верны служанки! Кто дереви́ны вези, кто строй станови, чтоб к утру церковь поспела». Вот как словом, так и делом; сейчас церковь гудова.

Вот она и стает утром ранешенько: «Ставай, — говорит, — Горе-горянин, Данило-дворянин! Пора тебе идти к дядюшке князю Владимиру, зови его в тысяцкие, жену его Оброксу в сватьи; нам надоть с тобой обвенчаться: церковь гудова».

Вот он и ставал утром ранешенько, умывался, обувался, одевался скорешенько и побежал к дядюшке князю Владимиру. Вот он и прибежал тудя; богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю Владимиру на особицу, и говорит: «Дядюшка князь Владимир! Милости просим к Настасье-царевне, тебя в тысяцкие, жену тудю Оброксу в сватьи; надоть нам с ней обвенчаться: церковь гудова». Гости енаралы опять говорят дядюшке князю Владимиру: «За экого чужестранного человека ладишь ты отдать Настасью-царевну; нет ли у нас людей хороших? Накинй, — говорят, — на его службу такую, чтобы ему ввек не сделать». Вот он и говорит: «А какую-тудю я на его службу накинуду? Совсем я никакой не знаю». — «А тудю, — говорят, — службу накинй, чтобы к утру, к свету, мост он соорил: мостовины на три стороны, тесом на четыре, гвоздьём прибитые, по краям были бы перилы то́чены, головушки позолочены; на каждой головушке сидели бы птицы-пташечки и разными голосами пели».

Вот Горе-горянин, Данило-дворянин пошел опять к своей Настасье-царевне кручинен-невесел, головушку повесил. Настасья-царевна его встречает и говорит: «Что ты, Горе-горянин, Данило-дворянин, оченно кручинен-невесел, головушку повесил? Али тебя дядюшка князь Владимир царским питьем обошел или бранным словом нашел?» — «Нет, — говорит, — и бранным словом не нашел и питьем царским не обошел; а как же мне веселу быть? Великую службу накинудли на меня енаралы». — «Какую же службу накинудли на тебя?» — спрашивает его Настасья-царевна. «А тудю, — говорит он, — велели мост к утру, к свету, построить — мостовины на три стороны, тесом на четыре, гвоздьём прибитые, по краям были бы перилы то́чены, головушки позолочены; на каждой бы головушке сидели птицы-пташечки, разными голосами пели». Вот она и говорит: «Спасу молился и спать ложился: не тудя печаль, не тебе и качать! Утро вечера мудренее». Вот он спасу помолился и спать повалился. Вот Настасья-царевна выходит

на круто́ красно крыльцо, скричала богатырским голосом, засвистала молодецким посвистом: «Служки, няньки, верны служанки! Сбегайтесь, сряжайтесь со всех четырех сторон; кто мостовины вези, кто теши́, кто перила точи, золоти, кто птиц имай и на головушки сади». Вот и сделался такой шум, гром, визгото́к, что дядюшка князь Владимир и окошко затворил, подумал, что преставление свету будет. Вот как словом, так и делом состроили мост. Вот и будит Настасья-царевна и говорит: «Ставай, Горе-горягин, Данило-дворягин! Пора идти к дядюшке, князю Владимиру, зови его в тысяцкие, жену его Оброксу в сватьи; надоть нам с тобой обвенчаться, а мост готов — хоть царю по нем кататься, так не стыдно!»

Вот он ставал ранешенько, одевался скорешенько, умывался, обувался и побежал. Вот он и прибежал туда, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю на особицу, и говорит: «Дядюшка князь Владимир! Милости просим к Настасье-царевне; тебя в тысяцкие, жену твою Оброксу в сватьи; надоть нам с ней обвенчаться, а мост готов — хоть царю кататься по нем, так не стыдно!» Гости енаралы опять говорят: «За экого чужестранного ладишь ты отдать Настасью-царевну; нет ли у нас людей хороших? Накинь на его службу такую, чтоб ему не сделать и ввек». — «А какую же я накину на его службу?» — «А такую, — говорят, — вели ему шубу сшить из со́рока со́роков черных соболей; соболи не чинены, шелки не виты, золото не лито, а шуба была бы сошита».

Вот Горе-горягин, Данило-дворягин пошел опять к своей Настасье-царевне кручинен-невесел, головушку повесил. Вот и встречает его Настасья-царевна и говорит: «Что ты, Горе-горягин, Данило-дворягин, кручинен-невесел, головушку повесил? Али тебя дядюшка царским питьем обошел или бранным словом нашел?» — «Нет, — говорит, — и царским питьем не обошел и бранным словом не нашел, а как же мне веселу быть? Великую службу накинули на меня енаралы». — «А какую же?» — говорит Настасья-царевна. «А такую, — говорит, — велели сшить шубу из со́рока со́роков черных соболей, соболи не чинены, шелки не виты, золото не лито, а шуба была бы сошита». Вот она и говорит: «Спасу молися и спать ложися, не твоя печаль, не тебе и качать! Утро вечера мудренее». Вот он богу помолился и спать повалился. Вот Настасья-царевна выходит на красно круто́ крыльцо, скричала богатырским голосом, засвистала молодецким посвистом; «Служки, няньки, верны служанки! Кто соболи чини, кто шелки вей, кто золото лей, кто шубу шей, чтобы шуба к утру была сошита». Вот сейчас служки, няньки, верны служанки только трягнули — шуба готова! Вот Настасья-царевна и будит его. «Ставай, — говорит, — Горе-горягин, Данило-дворягин, в божью церковь к заутрене!» — и подала ему три золотые яичка: первым с попом похристосоваться, вторым с дядюшкой князем Владимиром. «А третье береги, — говорит, — чем жить!»

Вот он и приходит в божью церковь к заутрене о Христовом дне; людно народу в церкви, не пускают его: «Бодёр очень!» — говорят. Вот он сейчас рукой пихнул, другой толкнул — народу лежит две улицы; он прошел наперед, стоит да молится. Вот это дядюшка князь Владимир усмотрел, посылает енарала: «Поди, — говорит, — спроси: что это за человек, из чьих родов, из каких городов, зачем приехал, что ему надоть?» Вот енарал пришел перед его, поклон отдал и стал его спрашивать. Он отворотился, да и рассмеялся: «Вот, — говорит, — брюханьё! Не узнали же — службу-то прежде накидывали». Вот приходит время христосоваться; он с попом похристосовался, с дядюшкой князем Владимиром тоже, а третье яичко в пазухе держит. Вот вышли из церкви. Бежит по бу́еву [ограде церковной] Гришка фурлатильный (?), черненький, маленький, хроменький, на одной ножке поскакивает, ищет борца против себя молодца. Вот он Горе-горягин, Данило-дворягин третье яичко выхватил, годи́л [метил] в лоб, угодил в грудь, сшиб его с ног, бил, топтал, волочил, как барана в крови сделал.

Вот он приходит домой к жене; та его спрашивает, где яичко девал? «Первым яичком, — говорит он, — с попом похристосовался, вторым с дядюшкой князем Владимиром, а третье... Есть у вас здесь какой-то мошенник Гришка фурлатильный, черненький, маленький, хроменький, на одной ножке поскакивает, ищет борца против себя молодца; я шиб его в лоб, угодил в грудь, бил-топтал, волочил, как барана в крови сделал». — «Ну и черт с ним! Так ему и надоть!» — говорит Настасья-царевна. Вот она сходила в горенку, вынесла оттуда два золотые яичка, себе взяла, ему дала — похристосовались. Опять его посылает к дядюшке князю Владимиру — звать его в тысяцкие, жену его Оброксу в сватьи: «Надоть нам с тобой обвенчаться».

Вот он побежал. Вот и приходит, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю Владимиру на особицу: «Милости просим, — говорит, — к Настасье-царевне — тебя в тысяцкие, жену твою Оброксу в сватьи; а енаралам твоим ничем меня не загони́ть». Вот он и сказал: «Сейчас пару коней вороных запрягу да и еду; ступай, — говорит, — домой, сряжайся да обряжайся». Вот он приходит домой, с Настасьей-царевной сряжались да обряжались. Дядюшка князь Владимир приехал, ни пива варить, ни вина курить — все готово! Веселым пирком да и за свадебку; обвенчались, стали жить да поживать да добра наживать. Я там был, пиво пил; по усам текло, в рот це попало; дали мне колпак — стали в шею толкать, дали мне шлык — я в подворотню и шмыг!

{/numeration}